

Эркман-Шатриан

Рейнские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
378

Э78 **Эркман-Шатриан**
Рейнские рассказы / Эркман-Шатриан – М.: Книга по Требованию, 2023. – 92 с.

ISBN 978-5-521-39276-6

Содержание: Реквием ворона; Невидимое око или Гостиница трех повешенных; Воронка детей; Черная коса; Возмездие

ISBN 978-5-521-39276-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РЕКВИЕМЪ ВОРОНА.

Мой дядя Захарій былъ самый любопытный чудакъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Представьте себѣ маленькаго человѣка, толстаго, короткаго, тучнаго, съ яркимъ цвѣтомъ лица, съ животомъ въ видѣ бурдюка и съ расцвѣтшимъ носомъ: это портретъ моего дяди Захарія. Этотъ достойный человѣкъ былъ лысъ, какъ колѣно. Онъ носилъ обычно большія круглыя очки и въ качествѣ головного убора маленькую черную шелковую шапочку, покрывавшую ему лишь верхушку головы и затылка.

Мой дядя любилъ смѣяться; любилъ онъ также фаршированную индѣйку, паштетъ изъ гусиныхъ почекъ и старое Иоганисбергское, но всему на свѣтѣ онъ предпочиталъ музыку. Захарій Мюллеръ родился милостью Божьей музыкантомъ точно такъ же, какъ другіе рождаются французами или русскими; онъ игралъ на всѣхъ инструментахъ съ удивительной ловкостью. Нельзя было угадать, глядя на его наивное добродушіе, сколько веселья, вдохновенія и живости можетъ таиться въ этомъ человѣкѣ.

Такимъ Богъ создалъ соловья: лакомкой, любопытнымъ и пѣвцомъ, — мой дядя тоже былъ соловьемъ.

Его приглашали на всѣ свадьбы, на всѣ празднества, на всѣ крестины, на всѣ похороны. „Мастеръ Захарій“, говорили ему, „намъ нужна *плясовая* или *аллилуйя*, или *реквиемъ* къ такому-то дню“, а онъ просто отвѣчалъ: „Онъ будетъ у васъ“. Тогда

онъ принимался за работу, насвистывалъ передъ своимъ пюпитромъ, курилъ трубки и, покрывая плымъ дождемъ ноть свою бумагу, отбивалъ тактъ лѣвой ногой.

Дядя Захарій и я, мы жили въ старомъ домѣ на улицѣ Миннезингеровъ въ Тюбингенѣ; онъ занималъ тамъ нижній этажъ, настоящую лавку старьевщика, заваленную старой мебелью и музыкальными инструментами; я же спалъ въ верхней комнатѣ; всѣ остальные помещенія оставались неза-
нятыми.

Какъ разъ противъ нашего дома жилъ докторъ Газельноссъ. По вечерамъ, когда въ моей комнаткѣ становилось темно, а окна доктора освѣщались, мнѣ казалось, по мѣрѣ того какъ я все смотрѣлъ и смотрѣлъ, что его лампа приближалась... при-
жалась... и окончательно касалась моихъ глазъ. И въ то же время я видѣлъ, какъ сидѣтъ Газельносса колеблется страннымъ образомъ на стѣнѣ, съ его крысиной головой въ треуголѣ, кисть которой качалась справа налево, съ его широкополой одеждой, и его тонкой фигурой, насаженной на пару тощихъ ногъ. Я различалъ также, въ глубинѣ комнаты, витрины, наполненныя чужеземными животными, блестящими камнями, и въ профиль—корешки книгъ, блестящихъ своей позолотой и разставленныхъ, какъ для битвы, на полкахъ книжнаго шкапа.

Докторъ Газельноссъ, послѣ моего дяди, былъ самымъ оригинальнымъ лицомъ въ городѣ. Его служанка Оршель похвалялась, что стираетъ его бѣлье только черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, и я охотно повѣрилъ бы этому, такъ какъ на рубашкахъ доктора были желтыя пятна, что говорило о количествѣ бѣлья, бывшего въ его шкапахъ; но самой интересной особенностью характера Газельносса было то, что всякая кошка или собака, переступившая порогъ его дома, никогда больше не показывалась. Богъ вѣдаетъ, что онъ съ ними дѣ-

далъ. Народная молва обвиняла его даже въ томъ, что онъ носилъ въ одномъ изъ своихъ заднихъ кармановъ кусокъ сала, чтобы приманивать этихъ бѣдныхъ животныхъ, и когда онъ отправлялся по утрамъ, къ своимъ больнымъ, и когда онъ проходилъ, мелкой рысцой, передъ домомъ моего дяди, я не могъ не смотрѣть безъ смутнаго страха на большія полы его одежды, развѣвавшейся во всѣ стороны.

Таковы самыя яркія впечатлѣнія моего дѣтства. Что меня болѣе всего плѣняетъ въ этихъ отдаленныхъ воспоминаніяхъ, что скорѣе всего встаетъ въ моемъ умѣ, когда я мечтаю о дорогомъ Тюбингенѣ, — такъ это воронъ Гансъ, летавшій по улицамъ, грабившій выставку мясниковъ, схватывавшій на лету всѣ бумаги, проникавшій въ дома; воронъ, которымъ всѣ восхищались, котораго всѣ берегли и подзывали: „Гансъ! сюда“... „Гансъ! туда“... Поистинѣ—странное животное; однажды онъ прилетѣлъ въ городъ со сломаннымъ крыломъ: докторъ Газельноссъ вправилъ ему крыло и всѣ усыновили Ганса. Одинъ давалъ ему мяса, другой сыру. Гансъ принадлежалъ всему городу, Гансъ находился подъ общественнымъ покровительствомъ.

Какъ я любилъ этого Ганса, несмотря на крѣпкіе удары его клюва! Мнѣ кажется, что я вижу еще, какъ онъ подпрыгиваетъ на обѣ лапки по снѣгу, слегка повертываетъ голову и поглядываетъ краемъ своего чернаго глаза, съ насмѣшливымъ видомъ. Если что-нибудь падало изъ вашего кармана, крейцеръ ли, ключъ ли, все равно что, Гансъ хваталъ это и уносилъ на чердакъ церкви. Тамъ онъ устроилъ свой складъ и тамъ скрывалъ плоды своего хищничества, такъ какъ Гансъ, къ сожалѣнію, была птицей вороватой.

Впрочемъ, дядя Захарій не могъ выносить этого Ганса; онъ называлъ жителей Тюбингена болванами за то, что они привязались къ подобному

животному, и этотъ человекъ, столь спокойный и кроткій, терялъ всякое чувство мѣры, когда случайно его глаза встрѣчали ворона, парившаго передъ нашими окнами.

Въ одинъ прекрасный октябрьскій вечеръ дядя Захарій казался еще болѣе веселымъ, чѣмъ всегда; онъ за весь день не видѣлъ Ганса. Такъ какъ окна были открыты, то радостное солнце проникло въ комнату; вдали осень раскидывала свою прекрасную ржавую окраску, съ такимъ великолѣпнымъ выдѣляющуюся на темной зелени елей. Дядя Захарій, откинувшись въ своемъ широкомъ креслѣ, спокойно курилъ свою трубку, а я смотрѣлъ на него, спрашивая себя, что могло заставить его улыбаться самому себѣ, такъ какъ его доброе широкое лицо блестѣло неизъяснимымъ удовольствіемъ.

— Дорогой Товій,—сказалъ онъ мнѣ, пуская въ потолокъ длинную спираль дыма,—ты не можешь повѣрить, какое сладостное спокойствіе я испытываю сейчасъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ я не чувствовалъ себя болѣе расположеннымъ къ тому, чтобы взяться за большое произведеніе, за произведеніе, въ родѣ *Сотворенія міра* Гайдна. Кажется, небо открывается передо мной, я слышу, какъ ангелы и серафимы поютъ свой небесный гимнъ, я могъ бы записать всѣ ихъ голоса... О, что за прекрасное сочиненіе, Товій, что за прекрасное сочиненіе!.. О, если бы ты могъ услышать басовую двѣнадцати апостоловъ!.. это великолѣпно... великолѣпно. Сопрано маленькаго Рафаила пронизываетъ облака, подобно трубѣ на страшномъ судѣ; маленькіе ангелы, смѣясь, машутъ крыльями, а святые плачутъ поистинѣ гармонично... Тише!.. Вотъ близится *Veni Creator*, колоссальный басъ... Земля содрогается... сейчасъ явится Богъ!

И мастеръ Захарій опускалъ голову; казалось, онъ вслушивался всей своей душой, и крупныя слезы катились изъ его глазъ: „*Vene, Рафаилъ, vene*“ — шепталъ онъ. Но пока мой дядя погружался такимъ

образомъ въ экстазъ, пока его лицо, его взглядъ, его поза — все въ немъ выражало небесный восторгъ, вдругъ на наше окно бросается Гансъ и оглушительно каркаетъ. Я увидѣлъ, какъ дядя Захарій поблѣднѣлъ; онъ устремилъ растерянный взглядъ на окно, ротъ его остался открытъ, протянутая рука застыла неподвижно...

Воронъ сѣлъ на переплетъ окна. Нѣтъ, я, кажется, никогда не видалъ болѣе насмѣшливой физиономіи; его большой клювъ слегка поворачивался вкось, а глазъ его блестѣлъ, какъ жемчужина. Онъ прокричалъ второе насмѣшливое *кря* и сталъ причесывать свое крыло ударами клюва.

Мой дядя не говорилъ ни слова, онъ какъ бы окаменѣлъ.

Наконецъ, Гансъ полетѣлъ дальше, а мастеръ Захарій, повернувшись ко мнѣ, смотрѣлъ на меня въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ.

— Узналъ ты его?—сказалъ онъ мнѣ.

— Кого это?

— Діавола!..

— Діавола!.. Вы шутите?

Но дядя Захарій не удостоилъ меня отвѣтомъ и предался глубокому размышленію.

Наступала ночь, солнце исчезало за елями Шварцвальда.

Съ того дня мастеръ Захарій утратилъ свое хорошее расположеніе духа. Онъ попытался было написать свою большую симфонію *Серафимы*, но, такъ какъ это ему не удалось, онъ впалъ въ глубокое уныніе. Во всю длину вытягиваясь въ своемъ креслѣ, устремивъ глаза въ потолокъ, онъ только и дѣлалъ, что мечталъ о небесной гармоніи. Когда я ему доказывалъ, что наши деньги пришли къ концу и что недурно было бы ему написать какой-нибудь вальсъ, гонсеръ (плясовую) или что-нибудь иное, чтобы поправить наши дѣла, онъ возражалъ мнѣ:

— Вальсъ!.. голсеръ! что это такое? Вотъ, если бы ты заговорилъ со мной о моей большой симфоніи,—въ добрый часъ; но вальсъ! Вотъ что, Товій: ты теряешь разсудокъ, ты самъ не знаешь, что говоришь.

Потомъ онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Товій, повѣрь мнѣ, какъ только я окончу мое большое произведеніе, намъ можно будетъ сложить руки и спать, сколько душѣ угодно. Это альфа и омега гармоніи. Мы создадимъ себѣ извѣстность! Я бы давно окончилъ этотъ шедевръ; одно лишь мнѣ въ этомъ мѣшаетъ, это воронъ!

— Воронъ!.. но, дорогой дядя, чѣмъ этотъ воронъ можетъ помѣшать вамъ писать, скажите, пожалуйста? Развѣ онъ—не такая же птица, какъ и всѣ другія?

— Такая же птица, какъ и всѣ другія!—въ негодованіи пробормоталъ мой дядя.—Товій, я вижу, что ты—въ разговорѣ съ моими врагами!.. между тѣмъ, чего я только ни сдѣлалъ для тебя. Развѣ я не воспиталъ тебя, какъ своего собственнаго ребенка? развѣ я не замѣнялъ тебѣ отца и мать? развѣ я не выучилъ тебя играть на кларнетѣ? Ахъ, Товій, Товій, это очень дурно!

Онъ говорилъ это такимъ убѣжденнымъ тономъ, что я въ концѣ концовъ вѣрилъ ему и проѣлиналъ въ душѣ этого Ганса, смущавшаго вдохновеніе моего дяди. „Если бы не онъ,—говорилъ я самъ себѣ,—наше состояніе было бы уже у насъ въ рукахъ!..“ И я уже начиналъ сомнѣваться, не былъ ли воронъ самымъ діаволомъ, какъ это думалъ мой дядя.

Иногда дядя Захарій пытался писать, но по какой-то любопытной и почти невѣроятной случайности, Гансъ всегда показывался въ этотъ самый мигъ, или же раздавалось его хрилое карканье. Тогда несчастный композиторъ съ отчаяньемъ бросалъ перо, и если бы у него были волосы, онъ рвалъ бы ихъ полными горстями, до того велико

было его раздраженіе. Дѣло дошло до того, что мастеръ Захарій позанимствовалъ у булочника Рачера ружье, старую, заржавленную махину, и становился на часы за дверью, подстерегая проклятое животное. Гансъ, хитрый, какъ діаволь, никогда не появлялся въ эти минуты; но какъ только мой дядя, дрожа отъ холода (дѣло было зимой), шелъ грѣть себѣ руки, Гансъ тотчасъ же каркалъ передъ домомъ. Мастеръ Захарій стремительно бросался на улицу... Гансъ только что исчезъ!..

Это была настоящая комедія, весь городъ говорилъ объ этомъ. Мои школьные товарищи смѣялись надъ моимъ дядей, что заставило меня дать не одну битву на маленькой площади. Я защищалъ дядю до послѣдней крайности, и каждый вечеръ возвращался съ подбитымъ глазомъ или съ поврежденнымъ посомъ. Дядя растроганно смотрѣлъ на меня и говорилъ:

— Дорогое дитя, мужайся... Скоро тебѣ не придется больше такъ стараться!

И онъ съ воодушевленіемъ принимался описывать мнѣ то гранціозное произведеніе, которое онъ обдумывалъ. Это было поистинѣ великолѣпно; все было на своемъ мѣстѣ: сначала увертюра апостоловъ, потомъ хоръ серафимовъ въ *ti-betol*, затѣмъ *Veni Creator*, грохочущій среди молній и грома!..—Но,—прибавлялъ дядя,—нужно чтобы воронъ умеръ. Повѣрь, Товій, причина всѣхъ бѣдъ въ этомъ воронѣ; не будь его, моя великая симфонія была бы ужъ давно написана, и мы могли бы жить на свою ренту.

II.

Однажды вечеромъ, возвращаясь въ сумерки съ Малой площади, я встрѣтилъ Ганса. Былъ снѣгъ, луна сверкала надъ крышами, и я не зналъ, что за смутное безпокойство вкралось въ мое сердце

при видѣ ворона. Дойдя до двери нашего дома, я былъ совершенно пораженъ, увидя, что она открыта; какой-то свѣтъ пробѣгалъ по нашимъ стекламъ, какъ бы отраженіе угасающаго огня. Я вхожу, зову, нѣтъ отвѣта! Но представьте себѣ мое изумленіе, когда при отблескѣ пламени я увидѣлъ своего дядю, съ посинѣвшимъ носомъ, съ фіолетовыми ушами, развалившагося въ своемъ креслѣ, со старымъ ружьемъ нашего хозяина межъ ногъ и съ башмаками, покрытыми снѣгомъ.

Бѣдняга ходилъ охотиться на ворона.—Дядя Захарій,—воскликнулъ я,—вы спите?—Онъ приоткрылъ глаза и пронизалъ меня соннымъ взглядомъ:

— Товій,—сказалъ онъ,—я цѣдилъ въ него болѣе двадцати разъ, и всегда онъ исчезалъ, какъ тѣнь, въ тотъ моментъ, когда я собирался спустить курокъ.

Проговоривъ эти слова, онъ впалъ въ глубокое оцѣпенѣніе. Сколько я его ни трясъ, онъ не двигался! Тогда, охваченный страхомъ, я побѣжалъ за Газельносомъ. Когда я подымалъ молотокъ у двери, мое сердце билось съ невѣроятной силой, а когда ударъ раздался въ глубинѣ стѣней, мои колѣни подкосились. Улица была пустынна, вокругъ меня порхало нѣсколько хлопьевъ снѣга, я дрожалъ. Послѣ третьяго удара, окно доктора отрылось, и голова Газельносса, въ нитяномъ колпакѣ, свѣсилась наружу.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ тѣдешнымъ голосомъ.

— Господинъ докторъ, пойдемте скорѣй къ мастеру Захарію: онъ очень боленъ.

— Э!—проговорилъ Газельноссъ,—я только одѣнусь, и явлюсь.

Окно снова закрылось. Я прождалъ еще добрыхъ четверть часа, смотря на пустынную улицу, прислушиваясь къ скрипу флюгеровъ на ржавыхъ стрѣлкахъ и къ отдаленному лаю на луну хутор-

ской собаки. Наконецъ, слышались шаги, и кто-то медленно, медленно спустился съ лѣстницы. Въ замокъ ввели ключъ, и Газельнось, закутанный въ большую сѣрую пелерину, съ маленькимъ фонаремъ въ видѣ подсвѣчника въ рукѣ, появился на порогѣ.

— Брр!—произнесъ онъ,—какой холодъ! Хорошо что я закутался.

— Да,—отвѣчалъ я,—вотъ ужъ двадцать минутъ, какъ я дрожу отъ холода.

— Я торопился, чтобы не заставлялъ тебя ждать.

Минуту спустя, мы входили въ комнату моего дяди.

— Э! добрый вечеръ, мастеръ Захарій,—преспокойно сказалъ докторъ Газельнось, задувая свой фонарь,—какъ вы поживаете? Оказывается, у насъ маленький насморкъ.

Заслышавъ этотъ голосъ, дядя Захарій, казалось, проснулся.

— Господинъ докторъ,—сказалъ онъ,—я расскажу вамъ все съ самаго начала.

— Это бесполезно,—произнесъ докторъ, усаживаясь противъ него на старый сундукъ,—я знаю это лучше васъ, мнѣ извѣстны начало и послѣдствія, причина и дѣйствія: вы ненавидите Ганса, а Гансъ ненавидитъ васъ... Вы преслѣдуете его съ ружьемъ, а Гансъ забирается на ваше окно, чтобы издѣваться надъ вами. Э! э! э! это такъ просто: воронъ не любитъ пѣнія соловья, а соловей не можетъ выносить карканья ворона.

Такъ говорилъ Газельнось, доставая понюшку изъ своей маленькой табакерки; потомъ онъ положилъ ногу на ногу, встряхнулъ складки своего жабо и сталъ улыбаться, пронизывая мастера Захарія своими хитрыми глазками.

Мой дядя былъ пораженъ.

— Послушайте,—продолжалъ Газельнось,—это не должно васъ удивлять, подобные случаи встрѣчаются ежедневно. Симпатіи и антипатіи управ-

ляють нашимъ бѣднымъ міромъ. Вы входите въ трактиръ, въ пивную, все равно куда, вы замѣчаете двухъ игроковъ за столикомъ, и, не зная ихъ, вы тотчасъ желаете счастья одному противъ другого. По какой причинѣ предпочитаете вы одного другому? Да ни по какой... Э! э! э! на этомъ ученые настраиваютъ системы безъ конца, вмѣсто того, чтобы просто сказать: вотъ кошка, вотъ мышь; я желаю счастья мыши, потому что мы принадлежимъ къ одному семейству, потому что равнѣе, чѣмъ быть Газельноссомъ, докторомъ медицины, я былъ крысой, бѣлкой или полевою мышью и, слѣдовательно...

Но онъ не окончилъ своей фразы, такъ какъ въ ту же минуту случайно зашедшая дядина кошка прошла возлѣ него; докторъ схватилъ ее за шкуру и запряталъ въ свой большой карманъ съ молниеносной быстротой. Дядя Захарій и я, мы съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Что хотите вы сдѣлать съ моей кошкой?— сказалъ, наконецъ, дядя.

Но Газельноссъ вмѣсто отвѣта смущенно улыбнулся и пролепеталъ:

— Мастеръ Захарій, я хочу васъ вылечить.

— Сначала верните мнѣ мою кошку.

— Если вы меня заставите вернуть эту кошку, — сказалъ Газельноссъ, — я предоставляю васъ вашей печальной судьбѣ: у васъ больше не будетъ ни минуты спокойствія, вы не сможете написать ни одной ноты и вы будете худѣть съ каждымъ днемъ.

— Но, ради самаго неба!— продолжалъ мой дядя, — что вамъ сдѣлало бѣдное животное?

— Что оно мнѣ сдѣлало, — отвѣтилъ докторъ, черты лица котораго перекривились, — что оно мнѣ сдѣлало!.. Знайте, что мы воюемъ съ начала вѣковъ! Знайте, что въ этой кошкѣ вмѣщается квинтэссенція чертополоха, задушившаго меня, когда я былъ фіалкой, остролиста, застившаго мнѣ, когда я былъ

когда я былъ ар-